

Заключение

Реформация в Европе была долгим и сложным процессом, полным ярких событий. Процесс этот разворачивался в условиях интенсивного взаимодействия западного христианства с восточным. Но поскольку для православных западное христианство — реформированное или не реформированное — оставалось чужим, им было трудно увидеть в Реформации не единый процесс разрушения римского католичества, а несколько взаимосвязанных процессов, в которых разрушение переплеталось с созиданием нового порядка. Каждый из них имел свой смысл и свой алгоритм.

В современной России существует расхожее мнение, будто характерный признак Реформации — «всеобщее священство», т. е. отказ от какой бы то ни было иерархии в церковном устройстве. Источник этого представления — слова М. Лютера в его воззвании «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» (июнь 1520 г.): «Все христиане воистину принадлежат к духовному сословию»; «все мы посредством Крещения посвящаемся во священники». Эту мысль М. Лютер далее поясняет так: «В случае необходимости каждому дозволено крестить и отпускать грехи, что было бы невозможным, если бы не все мы были священниками». Однако применительно к обычной ситуации М. Лютер полагал нормальным, чтобы служение в церкви возлагалось на специально подготовленных людей: «Все мы вместе составляем одно тело, но каждый член имеет свое назначение, которым он служит другим»¹. Для лютеранства,

¹ Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994. С. 58–59.

англиканства, пресвитерианства / реформатства, методизма характерно жесткое «вертикальное» устройство Церкви. «Всеобщее священство», какое описывают учебники религиоведения, можно наблюдать только в церквях конгрегационального устройства, например у баптистов, квакеров и харизматов. Но то, что наличествует только у некоторых течений, нельзя считать типичным признаком Реформации как таковой.

Реформации приписывают также свободу толкования Библии и утверждение ее в качестве единственного источника веры. Действительно, приверженцы всех направлений Реформации, за исключением самых радикальных, чрезвычайно высоко ценили Библию и прилагали огромные усилия, дабы максимально широкий круг верующих усвоил ее содержание, желательно на языках оригинала. Однако все, кому довелось обращаться к библейским текстам, знают, что они, даже простые по форме, чрезвычайно сложны по смыслу. Уяснение этого содержания, приведение его в систему началось уже в первые века существования Церкви, когда для понимания, в какого Бога учит верить Библия, христиане ввели понятие Троицы, которого в Библии нет. Церкви Реформации всегда использовали наряду с Библией символы веры и богословские тексты. Гуситы, лютеране и кальвинисты очень рано начали составлять свои собственные вероисповедные документы. Исключением в этом плане были религиозные маргиналы, главным образом анабаптисты, которые, отвергая всякое богословие, усваивали из Священного Писания только то, что им нравилось. По ним и по их отношению к Библии судить о Реформации было бы некорректно.

Свобода толкования Библии, не ограниченная никакими традиционными христианскими представлениями, равносильна свободе каждого индивида верить как угодно или понимать христианство как угодно. Этот миф о Реформации известен как «протестантский субъективизм». Якобы до Реформации только узкий круг священников и ученых точно знал, чему учит христианство, обычный же верующий безраздельно доверял своим наставникам, а сам не смел судить ни о чем; Библия была ему недоступна. Реформация же якобы означала признание за каж-

дым верующим права судить о предметах веры исключительно по собственному разумению, опираясь на Библию, ставшую доступной. Будто бы до Реформации христианская вера была «соборной», а Реформация сделала эту веру «личной».

Реформация в Европе действительно изменила положение дел в этом направлении. Если до Реформации существовала единая вероучительная система РКЦ, то Реформация добавила к западному христианскому богословию лютеранскую и кальвинистскую вероучительные системы, позже — англиканскую (в нескольких вариантах), а также учения анабаптистских и прочих сект. У многих людей появился выбор: какой системе следовать. Но так ли велика была разница между прежней и новой ситуацией? Публичные религиозные диспуты, гремевшие в эпоху Реформации, начались задолго до нее. В них участвовали преподаватели университетов и монахи разных орденов, чаще всего доминиканского. Так неужели они в спорах, нередко изощренных, защищали то, в чем не были убеждены? Католические догматы были не только официально утвержденными нормами веры, но и искренним личным убеждением многих (вероятно, большинства) простых католиков. Реформация принесла с собой такое же сочетание «соборной» вероучительной системы (лютеранской, кальвинистской или иной) с личной убежденностью богослова в том, что система, которой он следовал, верна или по крайней мере ближе к истине, чем прочие.

Призывы к «жизни по Евангелию» или преимущественное внимание к нему в ущерб житиям святых тоже часто воспринимаются как признак влияния Реформации. Однако «жизнь по Евангелию» в качестве этического идеала, осуществить который во всей полноте невозможно, но стараться приблизиться к которому необходимо, признают почти все христиане, в том числе и православные. Проблема здесь в том, что никто до сих пор не сумел внятно объяснить, чем такая жизнь должна отличаться к лучшему от добропорядочной жизни по Десяти заповедям Моисеевым. В России на рубеже XIX–XX вв. к «жизни по Евангелию» с равным усердием призывали св. Иоанн Кронштадтский и Л. Н. Толстой; это не мешало им непримиримо

враждовать между собой. «Евангелическое» часто воспринимается как «реформационное» еще и потому, что многие протестантские церкви именуют себя церквями «евангелических христиан», или «евангеликов». Однако смысл этого наименования далеко не прост. Ведь и католики, и православные признают Евангелие в качестве основного источника христианского вероучения. Когда протестанты называют себя так, нельзя видеть в этом указание на то, что они являются приверженцами Евангелия, а их противники — нет. Сторонники М. Лютера, У. Цвингли, М. Буцера, Ж. Кальвина и других реформаторов в XVI–XVII вв. именовались «евангеликами», поскольку усматривали противоречие между римско-католическим вероучением и Евангелием и оспаривали первое, утверждая последнее. В 1817 г. инициаторы Прусской унии в Германии, стремясь объединить лютеран с реформатами, предписали тем и другим называть себя «евангелическими христианами», отказавшись от прежних конфессиональных наименований. В последние два столетия в европейских странах (прежде всего в Германии) так обычно именуют членов тех лютеранских церквей, которые в 1817 г. или позже вступили в унию с реформатами. В Америке же «евангеликами» обычно называют баптистов. Следовательно, там, где звучат «евангелические» призывы, есть основание предположить влияние Реформации, но для однозначного суждения на сей счет следует обратить внимание на более надежные признаки.

В требованиях и практике Реформации многое определялось вкусами и было слабо или даже никак не связано с провозглашаемым вероучением. Табориты отрезали косы у женщин и бороды у мужчин, не объясняя, почему косы и бороды несовместимы с христианством. У. Цвингли и Ж. Кальвин видели одну из главных своих задач в искоренении язычества / идолопоклонства. Наиболее известна их борьба с иконопочитанием. Следует ли считать иконы идолами? Ссылаясь на тексты Ветхого Завета, Ж. Кальвин был уверен, что следует². Его оппоненты указывали, что с пришествием Христа Бог обрел зримый образ, а в текстах

² Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1998. Кн. I. Гл. 11.

Нового Завета священные изображения не воспрещены. Разумеется, бывает, что какой-нибудь верующий относится к иконе как к божку или амулету, предохраняющему от бед. Другие же могут относиться к иконе, различая «почитание» и «поклонение», в соответствии с деянием VII Вселенского собора. Отрицательное отношение к театру характерно для английских пуритан XVI–XVII вв., как позже и для квакеров, однако оно было характерно также для православия того же времени.

Претензии радикальных протестантов к внешним проявлениям православной, католической или англиканской религиозности — например осенению себя крестным знаменем, коленопреклонению — строились на предположении, будто это только лицемерные жесты и за ними нет никаких искренних убеждений. Похоже, богословы подверстывали теологию к собственным культурным стереотипам. Обнаружить влияние Реформации на русскую религиозность в подобных эстетических аспектах невозможно, даже если таковое и было.

И все-таки: имели ли место проявления Реформации в истории русского православия?

Новгородские стригольники XIV–XV вв., согласно выводам А. И. Алексеева, не учили ничему такому, что противоречило бы православию. Единственным исключением было допущение исповеди христианина не только духовным отцам³. В эпоху Реформации аналогичное явление имело место в лютеранстве: с 1530-х годов было разрешено исповедаться самому Богу, не обращаясь к священнику. «Аугсбургское исповедание» 1530 г. признавало три христианских таинства — крещение, покаяние, причащение; а Шмалькальденские артикулы 1537 г. — уже только два: крещение и причащение. Покаяние перестали считать таинством, потому что для такового необходимо наличие как материальной, так и нематериальной составляющей. После отмены обязательного присутствия священника в покаянии в нем не осталось ничего материального: покаяние христианина перед самим Господом — событие чисто духовное.

³ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 191.

Жидовствующие, отвергавшие учение о Св. Троице, в этом важнейшем мировоззренческом аспекте отличались принципиально от основных течений Реформации. Можно предположить их частичное единомыслие с приверженцами таких анти-тринитарных теологов эпохи Реформации, как Мигель Сервет, Леллий Социн и Фауст Социн. Сопоставление, однако, затрудняется тем, что вероучение жидовствующих в подробностях неизвестно, а вероучения протестантов-антитринитариев различаются в деталях.

В постсоветской России стали обычными параллели между Реформацией и старообрядчеством. А. Г. Глинчикова утверждает, будто «индивидуализация, “обмирщение”, социализация веры» — суть «процессы, которые составляли сердцевину западной Реформации»⁴, и эти же самые процессы видит и в протесте старообрядцев против реформы Никона.

Но «индивидуализация, “обмирщение”, социализация веры» были уже в римском католичестве до Реформации и сохранились в протестантских церквях. Реформа патриарха Никона была обрядовой. Православные русские люди середины XVII в. не мыслили правильное чинопоследование отдельно от правильного вероучения. Перемену чинопоследования они восприняли как душепагубную «перемену веры», а то, что она исходила от законного царя — которого Бог поставил эту веру охранять, а не менять — как знак близости конца времен и пришествия антихриста.

Собственно догматических расхождений между никонианами и старообрядцами не было. Трудно увидеть в этой коллизии что-то общее с континентальной Реформацией, которая была ознаменована настоящим взрывом догматических споров между католиками и реформаторами. Основные черты лютеранской, цвинглианской, кальвинистской Реформации — учение о Христе как единственном искупителе, борьба с «излишним» присутствием материального элемента в литургии (стремление «очистить церковь от идолопоклонства») — в противостоянии старообрядцев и никониан не фигурируют ни в каком виде.

⁴ Глинчикова А. Раскол или срыв «русской Реформации»? М., 2008. С. 202.

Можно найти в действиях старообрядцев национальную мотивацию, сходную с антиримским пафосом англиканских реформаторов. Реформу Никона старообрядцы воспринимали как результат влияния иноземцев — «лукавых греков», а то, что «истинное» христианство — православие старого обряда — утвердилось именно в России, считали знаком ее избранности

Христиане Англии как до, так и после Реформации сходным образом относились к своей стране. В Англии «правительство поддерживало и стремилось к максимально широкому распространению концепции, согласно которой между Богом и Англией существуют особенные отношения в духе ветхозаветного *ברית* (*брит*, ивр. Завет), которые существовали между Господом и народом Израиля: катастрофы, которые обрушивались на королевство, представлялись божественным наказанием за национальные грехи»⁵.

Синодальную реформу, которую Петр I начал осуществлять в 1721 г., можно считать аналогом Реформации англиканской, точнее, эрастианской. До этой реформы РПЦ была автономной организацией во главе с патриархом и действовала в пределах Московского государства на основании собственного канонического права. Будучи автокефальной, РПЦ тем не менее считала себя частью вселенского православия. Преобразование Московского царства в Российскую империю сопровождалось переменами в отношениях государства с Церковью. Какими эти отношения должны быть, христианство учит лишь в самых общих чертах — «воздайте кесарю кесарево», «нет власти, если не от Бога», и «власти следует повиноваться, пока это возможно без греха». Фактически и в Византии, и в Европе, и в России государство всегда по разным каналам влияло на Церковь. Принципиально новым (эрастианским) моментом — как в англиканской реформе, так и в петровской синодальной реформе — было то, что государство лишило Церковь возможности создавать собственное каноническое право. В результате синодальной реформы Церковь утратила патриаршество (а вместе с ним

⁵ *Фадеев И. А.* Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2015. С. 178–179.

автономию). РПЦ превратилась в объединение всех православных Российской империи под верховной властью императора (императрицы) как светского главы, причем все православные подданные империи обязаны были в ней состоять.

Именно в соответствии с этим принципом законы Российской империи до 1905 г. не признавали отдельного существования старообрядческих толков и рассматривали их как православных, пребывающих в расколе. Между тем объединения лютеран, католиков, мусульман, ламаистов могли существовать в Российской империи легально. Когда в начале XIX в. было присоединено Закавказье, Армянская апостольская церковь (не православная) сохранила самостоятельность, но Грузинская церковь — православная и притом более древняя, чем Русская — была включена в РПЦ. В результате всех преобразований устройство РПЦ стало напоминать устройство Церкви Англии: и ту, и другую возглавлял монарх в качестве светского главы, им подчинялись коллегии епископов в Святейшем Синоде и в Кентерберийской и Йоркской конвокациях, епископат же управлял всем остальным. В обеих церквях имела место борьба полярных богословских ориентаций: в Англии «католичествуемому» Стефану Латимеру противостоял «протестантствующий» Томас Кранмер, в России «католичествуемому» Стефану Яворскому — «протестантствующий» Феофан Прокопович. Однако в 1905–1917 гг. началась «контрреформация», происходившая в условиях назревания революции. 17 апреля 1905 г. было отменено наказание за отпадение от православия, а в 1917 г. восстановлено патриаршество и Грузинская церковь вновь стала независимой.

Обновленчество 1920-х годов было в какой-то мере осуществлением реформаторских проектов начала XX в. Оно стало таким, каким вошло в историю, только после грандиозных перемен 1917 г.: падения империи, восстановления патриаршества, установления советской власти. Предположение, что русское обновленчество 1920-х годов было проявлением пресвитерианской реформации, можно считать интересной гипотезой, которая нуждается в дальнейшей проверке. Англо-шотландское

пресвитерианство XVI–XVII вв. придерживалось жесткой кальвинистской догматики, которую пресвитерианские церкви начали пересматривать в сторону смягчения только в XIX в. Обновленцы же никакого пересмотра православной догматики в кальвинистском духе не предлагали. Поэтому применимость слова «пресвитерианское» к таким преобразованиям в церкви — под большим вопросом. К тому же обновленцы потерпели поражение, и можно лишь предполагать, как могла бы выглядеть РПЦ в случае их победы.

Анализ современного состояния русского православия не входит в нашу задачу. Она более скромна: соотнести содержание разных вариантов Реформации с историей русского православия.

Лютеранство — это католичество, или христианство западной традиции, модифицированное реформами Лютера. Процесс лютеранской реформации в Германии и Скандинавии состоял только в удалении из церковного обихода всего, что реформаторы сочли несовместимым с представлением об Иисусе Христе как единственном искупителе грехов всего человеческого рода. Результатом этого процесса стали лютеранские церкви, действующие в территориальных границах государств.

Фундамент православия, как и лютеранства, — общехристианское наследие: Ветхий Завет и церковь Нового Завета первых веков. Общим является безоговорочное признание Иисуса Христа единственным искупителем грехов всего человеческого рода. Когда патриарх Алексей II в 2007 г. отверг требование приверженцев маргинального православия почитать императора Николая II как царя-искупителя⁶, он отвергал то самое искажение христианства, с которым боролись и М. Лютер, и Ф. Меланхтон, и Ж. Кальвин. Но даже отказ от почитания других искупителей не превратит православие в лютеранство.

Истоки различий православного и лютеранского мирозерцаний лежат еще в раннем средневековье. На Руси не получила распространения ни схоластика, ни та разновидность западного аскетизма, которая связана с орденом монашества. Кальвинистское «дисциплинирование» по М. Буцеру и Ж. Кальвину

⁶ <http://pravoslavie.ru/25327.html> (дата обращения — 20.10.2017).

опиралось на ту же схоластическую и аскетическую традицию. Идея кальвинистского «земного призвания» была бы невозможна без католической традиции монашеского служения, в которой у каждого ордена было свое призвание «в миру».

Кальвинистская реформация отвергла римского папу и католическую иерархию в качестве толкователей Божьей правды и заменила их Библией, своими богословами и своей дисциплиной. В России же не наблюдается даже интереса к кальвинистскому толкованию Библии, не говоря уже о готовности перекроить жизнь по кальвинистским лекалам. Существующие в России лютеранские церкви малочисленны и состоят главным образом из немцев, финнов и латышей или их потомков. Приверженцев традиционного кальвинизма еще меньше.

Реформация цвинглианская, т. е. борьба против материального элемента в христианском культе, в России наблюдается с XIX в., когда зафиксированы случаи перехода из православия в баптизм и в секты вроде духоборов. Поскольку в баптизме общехристианские основы сохранены, а духовное наследие западноевропейского средневековья почти полностью отброшено, «культурных» препятствий для его распространения за пределами Европы нет, и потому баптизм находит немало приверженцев повсюду в мире, в том числе в России. Наиболее заметен этот процесс в Сибири и на Дальнем Востоке.

Представление о результатах конгрегациональной реформации в России дает деятельность баптистских общин и разнообразных харизматических сект. Общины старообрядцев-беспоповцев фактически устроены по конгрегациональному принципу, однако их «конгрегационализм» никакого отношения к реформации не имеет. Старообрядцы сохраняют верность представлению о епископальном устройстве как единственно правильном. Идея английских конгрегационалистов конца XVI в. о собрании верующих как единственном и нормальном источнике духовной власти старообрядцам чужда. То обстоятельство, что у приверженцев «древлего благочестия» епископат был в XVII в. «отнят», а с ним и таинства, возможные только при правильном священстве, старообрядцы-беспоповцы счита-

ют признаком близости конца времен. В церквях Реформации апокалиптические настроения время от времени наблюдались, но никогда это не было связано с исчезновением правильного епископата.

Кальвинистское понимание причастия в российском христианстве встречается крайне редко. Однако в 2013 г. профессор Московской духовной академии А. И. Осипов заявил, что принципиальное различие между православным и католическим пониманием причастия состоит в том, что католическое причастие (месса) — кровавая жертва, а православное причастие (евхаристия) — бескровная. Заявления А. И. Осипова положили начало дебатам, в которых затрагиваются проблемы, очень близкие тем, над которыми думали М. Буцер и Ж. Кальвин. Речь идет о совместимости трех православных представлений: 1) в евхаристии присутствуют подлинные тело и кровь Христа; 2) евхаристия — жертва, 3) но жертва бескровная. Первое представление опирается на слова Христа о евхаристических хлебе и вине: «сие есть Тело Мое», «сие есть Кровь Моя». Второе является традиционным для православия. Третье опирается на православную литургию, где евхаристия именуется жертвой бескровной. Принципиальное отличие православного понимания от католического А. И. Осипов видит именно в последнем тезисе⁷. Но если он прав, то присутствие крови в евхаристии можно мыслить только как духовное или символическое, как и предлагали М. Буцер и Ж. Кальвин. К настоящему моменту официальной реакции РПЦ на заявления А. И. Осипова не последовало.

В некоторых разделах данного тома затронуты проблемы секуляризации монастырской собственности. Хотя такая секуляризация имела место в эпоху Реформации, очевидно, что она лишь косвенно связана с какими бы то ни было намерениями реформировать Церковь. Ее осуществляли и католические деятели (Сигизмунд Люксембургский и Томас Уолси), и лютеранские реформаторы Германии и Скандинавии, и православные государи (Петр I, Петр III, Екатерина II).

⁷ http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/kurs_2/txt11.html

Упразднение монашества — характерная черта Реформации. В нашем сборнике эта проблема, однако, не нашла отражения. Дело в том, что смысл существования института монашества христиане разных веков понимали по-разному, тогда как критика этого института деятелями Реформации всегда имела в виду не смысл, а лишь его фактическое состояние, преимущественно со скандальной стороны. Специальное исследование проблемы католического монашества в эпоху Реформации требует работы со значительным корпусом разнородных текстов и выходит за рамки настоящего труда.

Возможно, авторы данного тома слишком строги, отвергая многие параллели между Реформацией и явлениями российской истории. Мы надеемся, что читатель получил представление о разнообразии течений Реформации и, следовательно, о сложности сопоставления реформационных явлений с российскими.

Аннотации

П. В. Крылов

Гуситское движение — «война за свободу закона Божия»

Статья посвящена конфессиональному аспекту гуситского движения. Особое внимание уделено понятию «закон Божий», фигурировавшему в подавляющем большинстве гуситских программных документов, содержание которых проанализировано. Автор отмечает, что в зависимости от ситуации описание данного понятия варьировалось, допуская более или менее широкое толкование. Одновременно оно оказалось очень удобным для того, чтобы послужить символом объединения различных группировок в реформационном движении, вкладывавшим в него разный смысл, смещая акценты то на богословское, то на этическое содержание программных положений. Характерно, что примирение части гуситов с римско-католической иерархией произошло на фундаменте согласованной трактовки того же понятия.

Ключевые слова: гуситское движение, история религии, ранняя Реформация, история Чехии.

А. И. Алексеев

**Ересь жидовствующих в России
в 1470–1510-х годах:
в поисках европейских аналогий**

В статье с учетом результатов новейших источниковедческих исследований излагается история ереси жидовствующих в Новгороде и в Москве в 1471–1510-х годах. Существование широкого спектра исследовательских мнений относительно природы ереси жидовствующих обусловлено недостаточной изученностью источников по ее истории. В настоящей работе ересь жидовствующих рассматривается как успешный случай иудейского прозелитизма на территории формирующегося Русского государства. В истории тысячелетнего межконфессионального диалога иудеев и христиан Восточной Европы этот эпизод не имел каких-либо масштабных последствий, но выявил кризис религиозной идентичности в Московском государстве. Дальнейшие перспективы изучения ереси следует связывать с текстологическим изучением всего корпуса источников, относящихся к иудео-христианской полемической литературе.

Ключевые слова: диалог иудаизма и христианства, древнерусская литература, ересь жидовствующих, Иван III, архиепископ Геннадий (Гонзов), Иосиф Волоцкий.

Т. Н. Таценко

Ульрих Цвингли и Реформация в Цюрихе

Швейцарский реформатор Ульрих Цвингли был современником Лютера и действовал одновременно с ним. Как и Лютер, Цвингли был священником и знал проблемы Церкви изнутри, но от Лютера его отличало гуманистическое образование, выдающееся знание античности, увлеченность идеями Эразма Роттердамского. Швейцарский и немецкий реформаторы были

едины в признании основополагающих идей Реформации, к которым относятся определяющая роль Священного Писания в жизни Церкви, центральное главное значение фигуры Христа для верующих как Искупителя их грехов и Спасителя, положение о спасительности веры, но не мотивированных внешней религиозностью добрых дел.

Под влиянием собственного церковного опыта, теологических штудий и отчасти сочинений Лютера Цвингли в 1519 г. начал свою реформационную деятельность в Цюрихе. Во всех своих начинаниях он пользовался поддержкой городского совета Цюриха, поэтому у Цвингли сформировался взгляд на светскую власть как на неперемennого активного участника в проведении церковных преобразований, что отличало его от некоторых других реформаторов (Кальвина, Буцера).

Особое внимание в разделе уделяется теологии Цвингли, в том числе дискуссионным темам. Речь идет о разногласиях между Цвингли и Лютером в вопросе, как понимать характер присутствия Христа в причастии. Лютер утверждал реальное (телесное) присутствие тела и крови Христа в элементах причастия, тогда как Цвингли говорил о духовном присутствии Христа в причастии, реальность которого доступна лишь верующим «в силу созерцания через веру (*fidei contemplatione*)». Эти разногласия имели политическое измерение и грозили расколом в лагере Реформации перед лицом единого фронта католических сил империи. Поэтому предпринимались активные попытки устранить теологические разногласия двух лидеров Реформации (Марбургское собеседование 1529 г.), которые не увенчались успехом. Непреодоленный раскол явился впоследствии важнейшим фактором, повлиявшим на образование двух традиционных протестантских конфессий: лютеранской и реформатской.

Цвингли считается родоначальником реформатской конфессии и предтечей кальвинизма (впоследствии более распространенного) еще и потому, что к его реформационным преобразованиям относятся радикальное очищение церковного пространства от алтарей, икон, картин и скульптур, а также введение начатков церковного дисциплинирования.

Ключевые слова: Реформация в Швейцарии, Ульрих Цвингли, Цюрих, теология, Мартин Лютер, Марбургское теологическое собеседование, причастие, образование двух разных протестантских конфессий.

Т. Н. Таценко

Страсбургский реформатор Мартин Буцер

Мартин Буцер считается третьим по значимости немецким реформатором после Лютера и Меланхтона. Уроженец Эльзаса, Буцер вырос и сформировался на юго-западе Германских земель, испытав равным образом влияние как Лютера, так и Цвингли. Это определило его характер как теолога, который прилагал громадные посреднические усилия для преодоления богословских разногласий между швейцарским (Цвингли) и немецким (Лютер) направлениями Реформации. Эти разногласия касались, главным образом, противоречий в понимании того, как, каким образом, Христос присутствует в причастии, и грозили расколом в лагере Реформации перед лицом нарастающей угрозы со стороны католической партии в империи. Достигнутое при решающем участии Буцера компромиссное Виттенбергское согласие 1536 г. между саксонскими теологами и богословами верхненемецких городов укрепило протестантский фронт. Присоединение затем верхненемецких городов к «Аугсбургскому вероисповеданию» окончательно определило изменение их духовной ориентации от цвинглианства к лютеранству, хотя и с некоторыми своеобразными оттенками.

В разделе подробно рассматриваются теологические взгляды Буцера и его реформаторская деятельность в Страсбурге. Примечательно, что этот опыт впоследствии приобрел большое значение для сообщества церквей реформатской традиции, теологии которых Буцер сообщил важнейшие импульсы для развития в их собственном направлении. Прежде всего, это понятие о духовном вкушении тела и крови Христа в причастии и объединяющий для общины характер участия в таинстве. Не менее

важной была разработка теории церковного дисциплинирования внутри и силами церковного сообщества как средство достижения святости жизни. Во время пребывания в Страсбурге ее среди прочего воспринял и осуществил затем в Женеве Кальвин. Буцеру же не удалось ввести автономное церковное дисциплинирование в эльзасской метрополии из-за решительного сопротивления городского совета. Страсбург сохранял склонность к лютеранству, что затем подтвердило и подписание городом Книги согласия в 1598 г. Идеи Буцера о церковном дисциплинировании в дальнейшем получили претворение в жизнь на Британских островах.

Ключевые слова: Страсбург, Реформация, причастие, «Тетраполитанское вероисповедание», Виттенбергское согласие, Филипп Меланхтон, Мартин Лютер, церковное дисциплинирование.

Т. Н. Таценко

Реформатство (кальвинизм) в Германии XVI в.

Распространение кальвинизма в Германии, где он получил название реформатства, относится ко второй половине XVI в. Оно является одним из проявлений эпохи конфессионализации. Повсюду в немецких княжествах и городах, где кальвинизм получал статус официального вероисповедания, он приходил на смену лютеранству. Поэтому в научной литературе этот процесс нередко называют «Второй Реформацией». Инициатором церковных преобразований везде была государственная власть: князья, поддерживаемые высшим чиновничеством и ведущими теологами, в том числе университетской элитой. Среди инициаторов реформы было немало иностранцев. Свои действия они объясняли стремлением улучшить и довести до конца Реформацию Лютера и Меланхтона, следуя Библии. Проводимые сверху церковные реформы воспринимались болезненно и нередко вызывали сопротивление: дворянство боялось утратить традиционные права церковного патроната, простой народ,

державшийся лютеранских традиций, отвергал радикальные изменения в культе и церемониях.

Зачинателем перехода к реформатству в Германии явилось курфюршество Пфальц (1563 г.). Затем последовали некоторые небольшие княжества на Среднем и Нижнем Рейне. Как пример реформатской конфессионализации в разделе специально рассматриваются события в княжестве Ангальт, при этом используется подлинный документ из архива СПбИИ РАН.

Значительное внимание в разделе уделяется теологическим аспектам немецкого кальвинизма, в том числе анализу Гейдельбергского катехизиса — главного вероисповедного документа реформатов в Германии. При этом автор останавливается на теологии причастия Филиппа Меланхтона, который допускал толкование об исключительно духовном присутствии Христа в причастии (“*Confessio Augustana Variata*” 1540 г.), что открыло в Германии путь к сближению с догматикой кальвинизма.

Кальвинизм на немецкой почве имел свои особенности. Прежде всего инициатором его введения была государственная власть, и Церковь стала частью государственных структур, поэтому синодально-пресвитерианский характер церковной организации, введенный Кальвином по образцу общин первых христиан, не привился на немецкой почве. Отсутствие автономии в немецких общинах не позволило по-настоящему развиваться церковному дисциплинированию, отличавшему, например, приходы в Женеве или на Британских островах. Также и догмат Кальвина о двойном предопределении должным образом не привился в немецком реформатстве.

Ключевые слова: кальвинизм, «Вторая Реформация», Реформатская церковь, Жан Кальвин, Гейдельбергский катехизис, курфюршество Пфальц, княжество Ангальт, Филипп Меланхтон.

С. А. Исаев

Реформационные движения в Англии

Статья дополняет систематизацию течений Реформации. Общепринятая классификация течений Реформации на европейском континенте имеет дело с догматическими различиями между протестантами: лютеранство, цвинглианство, кальвинизм, антитринитарные течения. Однако в Англии протестанты делились на церковные партии не по догматическим вопросам, а в соответствии с их взглядами на должное устройство Церкви. Статья характеризует англиканство, пресвитерианство и конгрегационализм как три варианта устройства Церкви, у которых были приверженцы в Англии XVI–XVII вв., и догматику, какой придерживались англикане, пресвитериане и конгрегационалисты. Показано, что англиканство было догматически разнообразно при сохранении организационного единства, пресвитерианство едино как догматически (кальвинизм), так и организационно, а полная децентрализация, характерная для конгрегационализма, создала возможности для отхода многих приверженцев этого течения от традиционного христианства в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Англиканская церковь, «Вестминстерское исповедание» 1646 г., «Десять статей» 1536 г., пресвитерианство в Англии, Реформация в Англии, Савойская декларация 1658 г., «Тридцать девять статей» 1571 г., «Шесть статей» 1539 г.

П. В. Седов

Был ли раскол XVII века в России Реформацией?

Статья посвящена истории раскола Русской церкви во второй половине XVII в., возникшего в результате реформы патриарха Никона. Автор анализирует различные подходы к изучению раскола, в том числе и возможные аналогии этого самого

крупного явления церковной истории России с европейской Реформацией.

На основе новых архивных данных в статье изучено отношение крестьян и церковных властей к обрядовой реформе Никона в рамках отдельных приходов. Автор приходит к выводу, что большинство крестьян, сохраняя приверженность старым церковным порядкам, уклонялись от открытого сопротивления новым обрядам. Проведенное микроисторическое исследование подтверждает мнение тех исследователей, которые подчеркивали принципиальные отличия церковного раскола в России от европейской Реформации.

Ключевые слова: раскол XVII в., старообрядчество, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, Валдайский Иверский монастырь.

П. Г. Рогозный

Реформация в России?

Синодальный период и советское обновленчество

В данной статье предпринята попытка рассмотреть реформационные движения и реформационные идеи внутри Православной церкви в Синодальный период и в первые годы советской власти. Сделана попытка охарактеризовать эти явления с точки зрения так называемой европейской Реформации. Особое место уделено дореволюционному и советскому обновленчеству. Реформационные идеи начали проникать в русское общество особенно интенсивно после реформ Петра Великого. Традиционно считалось, что и его церковная реформа имеет протестантские корни. Однако серьезно о радикальных реформах в Церкви стали говорить в годы Первой русской революции. Именно тогда сложилось движение, которое стали называть обновленчеством. После революции и Гражданской войны большевики использовали внутренние противоречия внутри Церкви с целью ее рас-

кола и разложения. Обновленцы провозгласили создание новой церкви, свободной и демократической, и стали выводить свою генеалогию от дореволюционных обновленцев, которым были не чужды некоторые реформационные идеи. Автор приходит к выводу о том, что это разные движения, и к Реформации они не имеют никакого отношения.

Ключевые слова: Реформация, Синодальный период, революция, обновленчество.

Abstracts

P. V. Krylov

The Hussite movement – “War for the Lord’s Law”

The article explores the notion of “the Lord’s Law” in the Hussite movement and its forms in various program documents. The peculiar content of every shape of “the Lord’s Law” could be very specific, it depended upon a constellation of factors. However the notion was assumed by various groups of Hussites who appreciated its flexibility. “The Lord’s Law” became the kernel of the whole Hussite program. And eventually the reconciliation of the moderate faction of the Hussites with the Roman Catholic Church was approached on the basis of “the Lord’s Law”.

Key words: Hussite movement, history of religion, history of pre-Reformation, history of Czech Kingdom.

A. I. Alexeev

The Heresy of the Judaizers in Russia, 1470–1510: searching for European analogies

The article is focused on the history of the Judaizer heresy in Novgorod and Moscow in 1471–1510 and is based on the recent research of historical sources. The variety of scholarly opinions on

the nature of the Judaizer movement is quite wide, the reason for which is to be looked for in the fact that relative historical sources are much understudied. This paper views the Judaizer heresy as a successful attempt at Judaic proselytism on the territory of the Russian state then undergoing the period of its formation. This episode did not have any significant consequences that might have influenced the millennial interfaith dialogue of Jews and Christians, but it elicited the crisis of the religious identity that existed in the Muscovite state. Further research of the heresy should evolve in line with the textological study of the whole corpus of sources that form the Judaeo-Christian polemic literature.

Key words: dialogue of Judaism and Christianity, Old Russian literature, Judaizer heresy, Ivan III, archbishop Gennady (Gonzov), Joseph of Volotsk.

T.N. Tatcenko

Martin Bucer, Strasbourg reformer

Martin Bucer is considered as the third German reformer of importance, after Luther and Melancthon. He was born in Alsace, and grew up in the southwestern Germany. He was influenced by both Luther and Zwingli, and acted as a mediator between the two leading reformers in their theological disputes. In Strasbourg, where Bucer served as city priest for almost 25 years, he promoted the Reformation and provided the unity of the Protestants.

The bitter dispute over the Eucharist, in what way Christ is present in the Lord's Supper, between the Wittenberg theologians led by Luther and Swiss churchmen behind Zwingli, threatened to split the reformation movement. Bucer dealt for a conciliation of two conflicting opinions, especially at the colloquy in Marburg, 1529. Unfortunately that time his efforts failed to produce desired result, and the split became the fact.

Bucer has definitely contributed to the signing of the Wittenberg Concord, 1536, which should bridge the differences between the

theologians of Wittenberg and of the cities of Southern Germany. This time Bucer's efforts for the consolidation of German Protestantism were successful.

Bucer significantly influenced the development of Calvinism. His ideas and experiences, such as his theology of Lord's supper, the purification of the holy spaces, as well as the enforcement of the church and moral discipline for laymen, were highly stimulating for churches of the Reformed tradition.

Key words: Strasbourg, the Reformation, the Eucharist, the Tetrapolitan Confession, the Wittenberg Concord, Philipp Melancthon, Martin Luther.

T.N. Tatcenko

Ulrich Zwingli and the Reformation in Zurich

Ulrich Zwingli was a contemporary of Martin Luther. Like Luther he was a priest and knew all the church problems from within. But in contrast to Luther's the education of Zwingli was markedly humanistic, he acquired a deep appreciation and understanding of ancient writers and was strongly influenced by the writings of Erasmus.

Luther and Zwingli independently of each other assumed the view that the true Christian religion must be based on the Bible only, that the papacy has no Scriptural foundation and that the Church tradition hasn't weight commensurable with the Bible as a source of Christian truth.

In 1519 Zwingli began his Reformation work in Zurich. The Zurich City Council gave him its support. It was Zwingli who primarily brought into the Reform tradition a concern for getting support from the civil authorities. Some other reformers such as Calvin and Bucer were rather concerned of church independence from civil authorities.

The disagreement between Luther and Zwingli on the interpretation of the Eucharist, of the mode how Christ is present in the elements of Eucharist, was fundamental, and after two reformers met at Marburg in 1529 and had fruitless discussion, it became clear that

no unification of their movements and no united Protestant front against the growing Catholic pressure were possible.

That disagreement was a starting point of the formation of two Protestant denominations, the Lutherans and the Reformed. The Zwingli's theology is usually considered as the first manifestation of Reformed theology. His work was carried on and expanded by John Calvin. Zwingli's practices like removing the images, statues, altars, crosses from the churches, and experience like the Church control of laymen's everyday life played a decisive role in shaping Calvinist churches and societies in Europe and North America.

Key words: Swiss Reformation, Ulrich Zwingli, Zürich, Theology, Martin Luther, Marburg Colloquy, the Eucharist, the formation of two different Protestant confessions.

T.N. Tatcenko

The Reformed denomination (Calvinism) in Germany in the 16th century

The spread of Calvinism far and wide of Germany took place in the second half of the 16th century. That process may be considered as an expression of the confessionalization characteristic for the age. The followers of Calvin in Germany labeled themselves as Reformed, rather than as Calvinists. All German States, where Reformed faith was introduced, were previously Lutheran. That's why the Calvinistic reforms in Germany were often referred to as "The second Reformation". Calvinism was introduced everywhere by rulers, supported by senior officials, leading theologians, and universities. They interpreted that change of confession as the further development of the Lutheran tradition, strengthening a skill of teaching and church organization. The people, who were Lutherans, often protested violently against the forced Calvinistic reforms. The nobility feared for its privileges, the common people rejected radical changes in worship and ceremonies.

The Electoral Palatinate was the first State in Germany, where Reformed faith was introduced in 1563. Next years the Calvinism spread over other districts of Germany: Nassau, Westphalia, and the Rhine Provinces, Anhalt. As an example of the Reformed Confessionalization, the Principality of Anhalt is presented in the article.

The Heidelberg Catechism is analyzed in details. The theology of Philipp Melanchthon (“*Confessio Augustana Variata*”, 1540) as the forerunner of Calvinism in Germany is also exposed.

Calvinism had peculiar features on German soil. Above all, it was an authoritarian Reformation, and the Reformed Church was originally integrated into administrative structures of the German States. Free development of the congregations was prevented by their strict dependence of the state and no church congregational discipline independent of state was possible. The doctrine of double predestination, considered as dangerous, was absent in the confessional documents of the German Reform Churches in the 16th century.

Key words: Calvinism, “The second reformation”, the Reformed Church, Calvin, the Heidelberg Catechism, the Electoral Palatinate, the Principality of Anhalt, Philipp Melanchthon.

S.A. Isaev

The main varieties of Reformation in England

The article is an addition to the systematization of Reformation Churches. The common systematization of Protestantism on the European continent deals with dogmatic differences: Lutheranism, Zwinglianism, Calvinism, and Anti-Trinitarian doctrines. But in England the Protestants were divided into church parties not because of dogmatic views but according to their allegiance to a certain proper constitution of church. The article describes Anglicanism, Presbyterianism, and Congregationalism as three Church polities that had their adherents in England in 16th–17th centuries, with dogmatic “equipment” of each of them. It is demonstrated that

Anglicanism comprehends important dogmatic variations even having unified church structure; that Presbyterianism is unified both dogmatically (Calvinism) and as church body, and that Congregationalism, being characterized by lack of any centralization, provided a room for apostasy of its adherents from traditional Christianity in 18th–19th centuries.

Key words: Church of England, Presbyterianism in England, Reformation in England, The Savoy Declaration, 1658, “Six Articles”, 1539, “Ten Articles”, 1536, “Thirty-Nine Articles”, 1571, The Westminster Confession, 1646.

P. V. Sedov

Was the Church Schism of the 17th century Russia indeed the Russian Reformation?

The article deals with the Schism in the Russian Orthodox Church, the 2nd half of the 17th century, which was the result of the Patriarch Nikon’s reforms. The author analyzes various approaches to the study of the Schism. The bulk of attention is put on the analogies of the Schism to the Reformation in Europe.

On the basis of recent archival researches, the article examines the attitude of peasants and clergy to the reform of Nikon within the framework of individual parish. The author comes to the conclusion that the majority of the peasants, while maintaining adherence to the old church rites, evaded open resistance to innovations. The micro-historical study confirms the view of scholars who emphasized the fundamental differences between the church Schism in Russia, and the European Reformation.

Key words: the Schism of the 17th century, the Old Believers, the Patriarch Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, the Valdai Iberian monastery.

P. G. Rogoznyi

The Reformation in Russia? The Synodical period and soviet renovationism

The article examines the movements for the church reform within the Russian Orthodox Church, during the Synodical period and in the first Soviet years: especially their programs and basic ideas. The author tries to characterize them as compared to European Reformation. A peculiar attention is given to so-called *Obnovlenchestvo* – “Renovationism”. The ideas of Reformation started to penetrate into Russian society mainly after the reforms of Peter the Great. It is traditionally believed that his Church reform followed the Protestant patterns. However, the radical modifications of church reforms were discussed first time as late as during the Revolution of 1905–1907. They gave birth to a movement later called Renovationism. After the Revolution and Civil war, the Bolsheviki used the internal conflicts within the Church in order to provoke split of clergy and dissipate the church structure. The Renovationists proclaimed the new Church to be founded: the free and democratic. They traced their origin from the pre-revolutionary Renovationists, who were indeed interested in some ideas of Reformation. Nevertheless the author comes to the conclusion that actually those movements were different, and neither had anything common with the European Reformation.

Key words: Reformation, the Holy Synod, Revolution, Renovationism.

Список сокращений

- ВМЧ — Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Издание Археографической комиссии
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- Источники — *Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955
- НИС — Новгородский исторический сборник
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РКЦ — Римско-католическая церковь
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
- РПЦ — Русская православная церковь
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы / Российская академия наук, Институт русской литературы

Сведения об авторах

Исаев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела всеобщей истории СПбИИ РАН. E-mail: *isayevsvir@yandex.ru*

Крылов Павел Валентинович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела всеобщей истории СПбИИ РАН. E-mail: *pavel_kryloff@mail.ru*

Алексеев Алексей Иванович — доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки. E-mail: *A.Alexeev@nlr.ru*

Таценко Тамара Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела всеобщей истории СПбИИ РАН. E-mail: *tntatsenko@mail.ru*

Седов Павел Владимирович — доктор исторических наук, заведующий Отделом древней истории России СПбИИ РАН. E-mail: *sedovpv@rambler.ru*

Рогозный Павел Геннадиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории революций и общественного движения России СПбИИ РАН. E-mail: *rorozny@yandex.ru*

Contacts of authors

Isaev Sergey Alexandrovich — Ph. D. (History), senior researcher, Department of General history of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. E-mail: *isayevsviir@yandex.ru*

Krylov Pavel Valentinovich — Ph. D. (History), researcher, Department of General history of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. E-mail: *pavel_kryloff@mail.ru*

Alekseev Aleksej Ivanovich — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Manuscripts, Russian National Library. E-mail: *A.Alexeev@nlr.ru*

Tatcenko Tamara Nikolajevna — Ph. D. (History), senior researcher, Department of General history of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. E-mail: *tntatsenko@mail.ru*

Sedov Pavel Vladimirovich — Doctor of Sciences (History), Head of Medieval Russian history Division of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. E-mail: *sedovpv@rambler.ru*

Rogoznyj Pavel Gennadievich — Ph. D. (History), researcher, Department of the History of Revolutions and the Social Movement of Russia, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. E-mail: *roroznyj@yandex.ru*